

ВАРИАНТЫ РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ: ЛОГИКО-ЯЗЫКОВЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ

Попов С.Л.

ВАРИАНТИ РОСІЙСЬКОЇ ГРАМАТИЧНОЇ НОРМИ: ЛОГІКО-МОВНІ КОРЕЛЯЦІЇ

У статті розглядається такий маловивчений аспект варіантності граматичних норм сучасної російської мови, як відповідність граматичних установлень законам формальної логіки. Для обґрунтування логічних протиріч, що спостерігаються у граматиці, залучаються дані психології. Враховується історичний аспект граматичних змін. Простежується вплив будови людського мислення на формування імперативних та диспозитивних граматичних норм.

Ключові слова: імперативні та диспозитивні варіанти граматичної норми, логічні закони, психологія.

Попов С.Л.

ВАРИАНТЫ РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ: ЛОГИКО-ЯЗЫКОВЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ

В статье рассматривается такой малоизученный аспект вариантности грамматических норм современного русского языка, как соответствие грамматических установлений законам формальной логики. Для обоснования наблюдаемых в грамматике логических противоречий привлекаются данные психологии. Учитывается исторический аспект грамматических изменений. Отслеживается влияние строя человеческого мышления на формирование императивных и диспозитивных грамматических норм.

Ключевые слова: императивные и диспозитивные варианты грамматической нормы, логические законы, психология.

Popov S.L.

VARIANTS OF RUSSIAN GRAMMATICAL NORM: LOGICAL AND LINGUISTIC CORRELATIONS

The article deals with such a poorly studied aspect of variation of grammatical norms in the modern Russian language as the compliance of grammar entities to laws of formal logic. Psychological data are involved to substantiate the logical contradictions observed in grammar. Historical aspect of grammatical changes is taken into account. The impact of the human mind system on the formation of mandatory and discretionary grammar rules is monitored.

Keywords: mandatory and discretionary variants of grammatical norm, laws of logic, psychology.

За последние десятилетия русская лингвистика добилась значительных успехов в изучении языковых единиц, употребление которых может вызывать затруднения. Основная доля таких исследований пришлась на единицы лексические, в первую очередь синонимы и паронимы. Падение уровня грамотности, особенно свойственное переломным моментам жизни социума, обуславливало интерес и к такому проблемному в ортологическом плане языковому явлению, как грамматическая вариантность. После появления и многочисленных переизданий знаменитой «Практической стилистики русского языка» Д.Э. Розенталя [10] продолжают выходить новые учебники, справочники и словари той же научно-практической ориентации.

Согласно определению Н.Н. Семенюк, зафиксированному в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», языковая норма представляет собой «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [12, с. 338]. В языке различают поня-

тия (заимствованные из юриспруденции, где они утвердились в эпоху римского права) норм императивных, предписывающих употребление только одного из вариантных явлений, и норм диспозитивных, допускающих непротиворечивое сосуществование вариантов.

Целью настоящей статьи является рассмотрение некоторых явлений грамматической вариантности с позиций логики, изучающей, как известно, закономерности человеческого мышления [5, с. 285], в том числе мышления тех, кто кодифицирует различия между грамматическими вариантами, и тех, кому результаты такой кодификации адресованы.

Грамматическую вариантность, по-видимому, корректно рассматривать в тесной связи с вариантностью мышления, в частности в связи с причиной ее появления в процессе интеллектуального развития человека. В ходе роста интеллекта до уровня логического мышления неизбежно наступает момент проявления вариантности действий и отдельной ассимиляции их результатов как новых фактов познаваемой действительности, по-

сути вариантности, демонстрирующей расширение знаний. По свидетельству известного психолога Ж. Пиаже, «случайно возникшие новшества либо игнорируются, либо ассимилируются предыдущими схемами. <...> Однако наступает момент, когда новшество становится интересным само по себе. <...> новый факт должен быть достаточно сходным с ранее известным, чтобы пробудить интерес, и вместе с тем достаточно отличным от него, чтобы не вызвать пресыщения» [8, с. 159-160].

Если исходить из признания познавательной функции языка, то логично допустить, что языковые варианты, вначале возникая как случайные отклонения, сохраняющие формальное сходство с материнскими формами, затем семантически или стилистически соотносятся с сущностями, ранее не дифференцированными. Как справедливо заметил Л.В. Щерба, «очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными. Нормативный словарь поступил бы в высшей степени неосторожно, если бы забраковал одну из них, руководствуясь чистейшим произволом или личным вкусом редактора: не надо забывать, что синонимика является богатством языка, которое позволяет ему развиваться, предоставляя говорящему и пишущему широкие возможности для более тонкой нюансировки их мыслей» [15]. В этом смысле вариантность может быть проявлением общего стремления языка к аналитизму как способности создавать дополнительные формы для закрепления за ними отдельных значений, ранее сосуществовавших в одной форме с другими значениями. По мнению Б.А. Серебренникова, «появление в языках аналитического строя связано с известными физиологическими особенностями устройства человеческого мозга. <...> Значение, выраженное особой формой, легче воспринимается, чем конгломерат значений, выраженный одной формой» [13, с. 113]. Из этого следует, что аналитическое распределение значений по отдельным формам, будучи неразрывно связанным со строем человеческого мышления, может находиться в зоне внимания не только психологии, но и логики.

В подавляющем большинстве случаев грамматические варианты представляют собой пары, то есть бинарные оппозиции. Бинарность грамматических вариантов, с одной стороны, подчеркивает действующий в этой сфере языка аристотелевский закон исключенного третьего (см. [5, с. 213-216]), с другой – постоянно демонстрирует свойственную человеческому познанию логику, представляющую собой либо безоговорочное предпочтение одного из двух вариантов – при императивности нормы (в соответствии с аристотелевскими законами тождества и противоречия (см. [5, с. 596-599, 488-495]); это привативные бинарные оппозиции по признаку «правильно – неправильно» [1, с. 348]), либо выбор (по тем же законам, и

это уже эквивалентные бинарные оппозиции [там же]) обоих вариантов – при диспозитивности нормы. Следовательно, сам выбор не может не быть логичным. Даже если различия между познаваемыми сущностями не обнаруживаются, человеческая логика подсказывает новое объяснение: значит, эти варианты конкурируют друг с другом – и тогда либо один из них вытеснит другой (императивность нормы), либо они все-таки обнаружат дифференциальные признаки (диспозитивность нормы). Ж. Пиаже пишет о наблюдаемой у детей «потребности в обосновании» чего-либо «во что бы то ни стало» [7, с. 118-121]. Строй мышления взрослого в этом смысле не исключение: в стремлении всё объяснить он абсолютно оптимистичен.

Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, П.П. Блонский, Д.Н. Узнадзе, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и другие ученые, занимавшиеся вопросами детской психологии, экспериментально доказали, что примерно до 12-летнего возраста у ребенка практически отсутствует логическое мышление, что проявляется в невосприятии противоречий, в частности в неверном понимании значений подчинительных союзов, неразделении родовых понятий на видовые, непонимании транзитивности. Причина отсутствия логики у ребенка состоит в «близорукости» восприятия им окружающей действительности. Например, пятилетний ребенок считает, что солнце не падает потому, что оно желтое, а греет оно потому, что находится высоко, или потому, что рядом с ним облака (см. об этом в [2, с. 91]). В этих случаях ребенок ориентируется только на те признаки, которые случайно оказываются «на поверхности» его чувственного восприятия, прежде всего – зрительного, и «близоруко» не замечает факторов глубинных. Аналогично и в грамматике наблюдаются «близорукие» по своей сути установления.

В языке нечто нелогичное или логичное лишь поверхностно, возможно, таковым и останется. Например, аббревиатура *ВАК* могла бы быть ж. р., а аббревиатуры *МИД* и *ТАСС* – ср. р. по глубинному логическому основанию «род стержневого слова», но они употребляются в м. р. по более заметному, поверхностному основанию «внешний облик аббревиатуры» [4, с. 110-116].

Логически абсурдными для изучающих русский язык как иностранный выглядят так называемые «переносные» употребления русских глагольных времен [11, с. 632-635]:

– настоящего исторического (*Вчера еду на работу и вижу такую картину*) и настоящего при обозначении будущих действий (*Завтра идем в театр*) – в них игнорируется любое, кроме настоящего, время;

– прошедшего времени глаголов СВ в контексте абстрактного настоящего (*Если кто-нибудь зашел на огонек, его угощают*) и прошедшего в

функции повелительного наклонения (*Быстро поднял книгу и положил на место!*), когда внимание сосредоточивается на результате действия, который в действительности еще не достигнут; прошедшего(!) времени глаголов СВ при обозначении будущих(!) действий (*Если он не сдаст экзамен, все пропало*), когда внимание «близоруко» замкнуто на результате настолько сильно, что смещается от будущего к прошедшему через два пункта: минуя настоящее;

– будущего при обозначении настоящих действий (*Вот сижу и никак не пойму, что это значит*) – такое «переносное» употребление не «замечает» того, что описываемое явление наблюдается именно сейчас, а не в будущем.

В отношении корректности применения к приведенным глагольным употреблениям термина «переносность» имеются сомнения. В лексической семантике переносными считаются значения, образовавшиеся от других значений на основании сходства или смежности с ними. Сходство или смежность настоящего, прошедшего и будущего времен реальны не более чем сходство или смежность сторон света (тем более когда речь идет о сходстве или смежности «антонимически противопоставленных» прошедшего времени и будущего времени). Следовательно, авторы «Русской грамматики» имеют в виду другую, «безосновательную», переносность (употребление в несвойственном значении – уже переносно, без всяких на то оснований), то есть сужают понятие переносности. Возможно, такое узкое ее понимание именно в данном случае обусловлено стремлением дать указанным алогизмам «научное» объяснение («во что бы то ни стало» (см. о таких «объяснениях» выше). Неоправданность переносности таких временных употреблений, по-видимому, является и причиной того, что их изучение не включается в учебные программы по русскому языку на подготовительных факультетах для (логически мыслящих) иностранных граждан, которым действительно невозможно объяснить целесообразность употребления «не того» времени.

Нелогичность приведенных употреблений подтверждается также их стилистической сниженностью: они допустимы в разговорной речи (в том числе отраженной в речи персонажей художественных и публицистических произведений) и совершенно невозможны в официально-деловом и научном стилях. Фразы *Вчера еду на работу и вижу такую картину* и *Вчера я ехал на работу и (у)видел следующее* или *Никак не пойму* и *Я не могу понять* являются и стилистическими синонимами, и диспозитивными грамматическими вариантами – как в силу разного лексико-стилистического наполнения, так и по причине разных, стилистически отмеченных, временных форм глаголов. Следовательно, логическое противоречие, связанное

с употреблением «не тех» времен, язык в сознании своих носителей нейтрализует путем стилистического ограничения, установление которого есть внешне не целенаправленный, но подсознательно логичный шаг: если нечто не *comme il faut*, следует ограничить сферу его действия, чтобы в дальнейшем – аналитически – отличать от явления с другой, стилистически более высокой, характеристикой.

Данный логичный шаг демонстрирует, что перечисленные нелогичности все-таки являются исключением, подтверждающим общее правило: как в целом логически «взрослеет» человеческий интеллект, аналитически категоризирующий познаваемое согласно численно растущим в восприятии дифференциальным и интегральным признакам, так логически «взрослеет» и связанный с ним человеческий язык, аналитически развивающий свои дистриктивные возможности и преодолевающий близорукость восприятия.

Так, логичным оказывается любое стихийное изменение орфографии: начиная с древнего отказа показывать на письме «павшие» редуцированные и заканчивая всегда современным и естественным отказом ребенка писать *и* после твердых *ж* и *ш* (когда он и слышит, и пишет *ы* после других твердых согласных) и *а* после мягких *ч* и *щ* (когда после всех прочих мягких он привык писать *я*). Эти орфонелогичности ортология охраняет, хотя нельзя уличить русских кодификаторов всех времен в косности: достаточно вспомнить исключение из алфавита букв, звучание которых унифицировалось со звучанием других существующих в алфавите букв, или современную полемику по поводу написания слов *парашют* и *брошюра* с буквой *у* вместо *ю* (ведь именно звук *у* слышится после *ш* в этих словах).

Логичным является показанное выше стремление русского языка к аналитизму, в том числе к образованию диспозитивных грамматических вариантов. В данном случае наблюдается действие закона исключенного третьего, поскольку каждое из двух значений, закрепленных за одной формой (в этом и заключается противоречие между ними), словно предъявляет требование, чтобы другой вариант нашел себе другую форму, дабы не быть «третьим лишним».

Так, на протяжении столетий русский язык утрачивал переходность глаголов. Возможная когда-то переходность (*воевать врага, править народ, работать сапоги, трудить ум*) сменилась непрерывностью. В современном русском языке глаголов переходных вдвое меньше, чем непрерывных. Однако, по мнению М.Н. Эпштейна, переходность постепенно – через разговорную (добавим: и научную) речь – возвращается в виде, например, *работать кого-что, плавать кого-что, летать кого-что, гулять кого* (такие аналитические явле-

ния уже закрепились в романских и германских языках) [17], *деградировать что* (*деградированные земли*) [16] как вариантов к существующей глагольной непереходности. Такое расширение глагольной парадигмы было бы вполне соответствующим уже имеющейся глагольной оппозиции: каждый переходный глагол имеет непереходную пару, образованную добавлением постфикса *-ся* (*делать – делаться, видеть – видеться* и т. д.), – ничто не препятствует непереходным глаголам без постфикса *-ся* симметрично обзавестись переходной парой с формальным отличием от непереходной пары, состоящим в управлении винительным объектом (*летать* и *летать кого-что, гулять* и *гулять кого* и т. д.).

Логичными оказываются и другие стихийно (?) происходящие грамматические изменения. Вспомним историю категории одушевленности в русском языке: вначале, в «Русской правде» (11-й век), одушевленными были названия только свободных мужчин (не рабов, а также не женщин, не детей, не животных), с 12-го века по 14-й век одушевленными становятся названия всех взрослых людей – мужчин, с 15-го века одушевляются названия женщин, с конца 17-го – детей и животных (см., например, [14, с. 122-126]). В северных и сибирских говорах животные и сейчас не всегда одушевляются: *пасу коровы, гоню овцы*. У Марии Матиос не раз встречается диалектное неодушевленное *діти*: «*А Павло тимчасом робить Доці діти*», «*Скликай, жіночко, на затра діти*» («Майже ніколи не навпаки»), «*Родить собі діти, поки годні і масте від кого*» («Солодка Даруся»). В русском литературном языке категория одушевленности логично охватила названия всех живых существ. Одушевляются *крабы, кальмары и устрицы*, которые согласно [4, с. 47] могут быть неодушевленными для жителей Центральной России на том основании, что они могут их видеть только в виде еды. «Одушевились» даже *вареные раки*, которые много лет «рекомендовались к употреблению в речи» в неодушевленном виде. Употребляются как одушевленные даже слова *мертвец* и *покойник* как воспринимаемые живыми в воображении, сне или видении. Силлогизм (см. [5, с. 528]) в данном случае следующий: свободные мужчины – имена одушевленные, потому что живые существа; женщины, дети, животные – живые существа, – следовательно, женщины, дети, животные – имена одушевленные.

Собирательные числительные раньше употреблялись тоже только с названиями мужчин. Сейчас эта традиция постепенно расшатывается как нелогичная: собирательные числительные начинают употребляться с названиями лиц женского пола и с названиями животных. Основное призвание собирательных числительных – собирать, то есть обозначать общность, единство: *встретил*

трех друзей (если по одному) и *встретил троих друзей* (если вместе). Нельзя сказать *встретил троих друзей*, если встречал их по одному. Если основное призвание собирательных числительных – собирать, то с позиций логики им нет разницы, кого собирать – мужчин, женщин или животных.

Есть в русской грамматике и другие явления, находящиеся на стадии перехода от инфантильной «близорукости» к логической ясности. Доцент кафедры русского языка факультета журналистики МГУ М.А. Штудинер недавно рассказывал, как в конце советской эпохи он – в полном соответствии с ортологическими предписаниями – объяснял позвонившему на кафедру заместителю министра культуры СССР, что название журнала «*Советская эстрада и цирк*» абсолютно корректно (в препозиции к существительным, связанным сочинением, прилагательное имеет форму ед. ч., в постпозиции – мн. ч.: *эстрада и цирк – советские*). При этом ученый ссылался на тургеневский пример «*Дикий гусь и утка прилетели первыми*». Заместителя министра, а также его референта данный ответ не удовлетворял, поскольку они считали эти примеры логически абсурдными: в них *цирк* – не *советский*, а *утка* – не *дикая*, поскольку употребленные в контекстах прилагательные с этими существительными не согласованы [3], – но нельзя не согласиться с тем, что такая нелогичность в русском языке в самом деле имеется (не сразу повернется язык сказать *советские эстрада и цирк* или *дикие гусь и утка*). Трудно не признать существование «близорукого» – «видящего» только ближайшее существительное – согласования и в силу профессионально близкого нам примера *русский язык и литература*. Однако, невзирая на его частотность, всё большее число носителей языка, осознавая или не приемля на уровне подсознания логическую абсурдность ед. ч. прилагательного в такой позиции, использует более громоздкую, но логически точную конструкцию *русский язык и русская литература*. В подтверждение наметившейся тенденции осознавать нелогичность конструкций типа *дикий гусь и утка* приведем показательный пример. В 1907 году (в работе «Руководство к изучению синтаксиса русского языка») Д.Н. Овсяннико-Куликовский выразил свое возмущение предложением *Я давно не видал моих брата и сестру*: «Это не по-русски и режет ухо» (цит. по [10, с. 220]). «По-русски» было *моего брата и сестру*. Однако сегодня Национальный корпус русского языка такое согласование примерами не подтверждает. Не поддерживает он и более позднюю рекомендацию Д.Э. Розенталя употреблять согласование типа *мой отец с матерью*, а не *мои отец с матерью* [там же]. Уместно вспомнить, что в отношении согласования сказуемого с однородными подлежащими (то есть в той же конструкции, но с глаголом или другой частью речи в

функции сказуемого – вместо прилагательного) Д.Э. Розенталь и его последователи рекомендовали тот же алгоритм (в препозиции – ед. ч., в пост-позиции – мн. ч.): *поехал машинист и помощник, машинист и помощник поехали* [10, с. 209], хотя В.А. Ицкович еще в 1976 году признавал, что и в препозиции к однородным подлежащим сказуемое уже принимает форму мн. ч. [4, с. 39].

Л.В. Щерба считал, что нормализаторская роль словаря должна состоять в том числе «в ниспровержении традиции там, где она мешает», и «в поддержании новых созревших норм там, где проявлению их мешает бессмысленная косность» [15]. А.А. Леонтьев, говоря о научной школе психологии Л.С. Выготского, замечает, что самым важным условием существования любой научной школы является дальнейшее развитие взглядов ее основателя. Если это условие не выполняется, «мы имеем дело не с научной школой, а с группой эпигонов» [6, с. 127-128]. О необходимости своевременного реагирования на происходящие в языке (и, конечно, широко представленные в Национальном корпусе русского языка) изменения говорит и В.А. Плуныян: «Если <...> мы обратимся ко многим нынешним рекомендациям, мы немедленно увидим, что часть из них нежизнеспособна. Корпус их не подтверждает и не поддерживает, от них вполне можно отказываться» [9]. Очевидно, сегодня, в начале 21-го века, всё же пора признать наметившееся (по меньшей мере, сто лет назад, судя по реакции Д.Н. Овсяннико-Куликовского) логичное изменение в сфере согласования (*мой брат и сестра, мой отец с матерью*) и не апеллировать к языку классиков русской литературы середины XIX века, уже не вполне современному не только лексически, но и грамматически.

В результате проведенных наблюдений несложно прийти к выводу, что так называемую «стихийность развития грамматики» следует понимать весьма условно. Стихийно это развитие лишь в смысле его неосознанности носителями языка, не осуществляющими грамматические изменения целенаправленно. Однако в коллективном подсознании этих носителей грамматический строй испытывает постоянное влияние строя человеческого мышления с присущими ему логическими законами и все чаще вступает с последними в отношения корреляции.

Представляется научно интересным и ортологически полезным дальнейшее изучение императивной и диспозитивной грамматической вариантности с позиций логики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В. Оппозиции / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 348.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти тт. – Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с., ил.
3. Говорим по-русски. Передача-игра: Нормативные словари и норма: как нам со всем этим быть? (стенограмма от 06.09.2009 г., радио «Эхо Москвы»). – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/speakrus/617358-echo/>.
4. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – 2-е изд., испр. и доп. / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – М.: Наука, 2001. – 557 с.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
6. Леонтьев А.А. Л.С. Выготский. Кн. для учащихся 9-11 кл. ср. шк. / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1990. – 158 с.: ил.
7. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Пер. с франц. и англ.; Сост., комм., ред. перевода Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова / Ж. Пиаже. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 528 с.
8. Пиаже Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже // Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. – М.: Просвещение, 1969. – С. 55-231.
9. Плуныян В.А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов (стенограмма лекции, прочитанной 01.10.2009 г. в клубе – литературном кафе «Bilingua» в рамках проекта «Публичные лекции. Полит.ру») / В.А. Плуныян. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2009/10/23/corpus/>.
10. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – 4-е изд., испр. / Д.Э. Розенталь. – М.: Высш. школа, 1977. – 316 с.
11. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова: В 2-х т. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1982. – 783 с.
12. Семенюк Н.Н. Норма языковая / Н.Н. Семенюк // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 337-338.
13. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
14. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. Учебное пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов / Ю.С. Степанов. – Изд. 2-е, перераб. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
15. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba9.htm>.
16. Экология. Юридический энциклопеди-

ческий словарь / Под ред. проф. С. А. Боголюбова. – М., 2001. – Режим доступа: <http://www.vslovar.ru/jur/3504.html>.

17. Эпштейн М.Н. О творческом потенци-

але русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество / М.Н. Эпштейн. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html>.

УДК 81'373.422:(81'276.6:34)

Доу Кэюнь

АНТОНИМЫ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Доу Кеюнь

АНТОНИМИ В ЮРИДИЧНІЙ ЛЕКСИЦІ

У статті розглядається різниця між двома типами парадигматичних системних відношень у галузі юридичної лексики – протилежністю та протиставленням. Проведено аналіз лексичної антонімії, яка ґрунтується на понятті протилежності. Лексичні антоніми розглянуто з точки зору типу логічної протилежності та структури.

Ключові слова: протилежність, протиставлення, антонімія, логічна протилежність, структура.

Доу Кэюнь

АНТОНИМЫ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

В статье рассматриваются различия между двумя типами парадигматических системных отношений в области юридической лексики – противоположностью и противопоставленностью. Предпринимается анализ лексической антонимии, в основе которой лежат отношения противоположности. Лексические антонимы характеризуются с точки зрения типа логической противоположности и структуры.

Ключевые слова: противоположность, противопоставленность, антонимия, логическая противоположность, структура

Doу Keyun

ANTONOMY IN THE LEGAL VOCABULARY

This thesis studied the difference between the opposition and control, which are two polymerization relationships in the legal vocabulary. Further more, the thesis also studied the antonyms and pointed out that the opposing relationship is the basis of the foundation of the antonyms. The paper also summarized the features of the antonyms of the legal vocabulary in the logic opposing types and constructions.

Key Words: opposing, control, antonym relationship, logic opposing, construction

Антонимия относится к числу наиболее широко распространенных в языке видов системных отношений парадигматического типа. Как известно, к антонимам относятся слова, обозначающие противоположные по тем или иным признакам понятия. В антонимические отношения вступают лишь слова, которые «обозначают явления, имеющие качественное, количественное, временное или пространственное значение» [8, с. 64.].

Традиционно считается, что антонимы чаще всего встречаются среди качественных прилагательных и образованных от них наречий, реже среди существительных и глаголов. «Антонимика возникает также у существительных и глаголов, соотнесенных с антонимированными прилагательными, таких, как *свет* – *тьма* (из *светлый* – *тёмный*), *бедность* – *богатство* (из *бедный* – *бога-*

тый)» [5, с. 246].

При анализе юридической лексики возникает немало проблем с выделением антонимических пар. Такие пары существительных, как *обвиняемый* – *обвинитель*, *прокурор* – *защитник*, *истец* – *ответчик*, не имеют соотносительных прилагательных-антонимов, однако значения этих существительных воспринимаются как противоположные. Являются ли они антонимами? На каком основании отношения между ними можно рассматривать как антонимы?

Цель данной статьи – проанализировать системные связи в сфере юридической лексики с точки зрения проявления в них отношений *противоположности и противопоставленности*.

Понятие «противоположность» широко используется в различных областях науки. В фи-